

Чайная „Столбы“.

На столбцах нашей газеты за послѣднее время не разъ помѣщались коротенькія сообщенія о литературно-музыкальных утрахъ въ помѣщеніи чайной „Столбы“.

Но многимъ ли читателямъ извѣстно, гдѣ помѣщается эта чайная? Кто ея посѣтителе? Почему ей присвоено такое странное названіе—„Столбы“?

... На Нижнемъ Базарѣ, по Живоносной улицѣ, близъ всѣмъ извѣстной (имени, по крайней мѣрѣ) Милліонки высятся старинное двухъ-этажное каменное зданіе. Нижній этажъ этого дома занятъ лавками со старымъ желѣзомъ, а въ верхнемъ помѣщался ранѣе вертепъ—грязный отвратительный притонъ. По фасаду зданія вздымаются огромныя колонны, на подобіе колоннъ дома дворянскаго собранія. Эти то колонны, или столбы, и дали названіе помѣщавшемуся въ домѣ трактиру. Трактиръ „Столбы“ былъ издавна извѣстенъ всѣмъ обитателямъ нижебазарнаго дна. Здѣсь въ пьяномъ разгулѣ сборванный, выбившійся изъ колеи нормальной трудовой жизни, людъ, „бывшіе люди“, теряя человѣческой обликъ, пропивали съ послѣдніе гроши. Съ утра до вечера и съ вечера до утра изъ оконъ „Столбовъ“, бывало, неслись нестройные звуки разбитыхъ шарманокъ и бубенъ и непристойное ивнїе ехришихъ пьяныхъ голосовъ...

Въ 1901 г. „Столбы“ были пріобрѣтены Д. В. Сироткинымъ. Трактиръ былъ уничтоженъ, помѣщеніе приведено въ приличный видъ, и 17 февраля 1902 г. въ стѣнахъ „Столбовъ“ впервые раздалось слово „добраго, вѣчнаго“; небольшимъ кружкомъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ здѣсь были открыты воскресныя литературно-музыкальныя утра.

Съ перерывами въ навигаціонное время чтенія въ „Столбахъ“ велись въ теченіи трехъ лѣтъ; всего было 76 воскресныхъ чтеній, на которыхъ перебивало свыше 30,000 слушателей. Но въ 1905 г. кружокъ лекторовъ распался, чтенія въ „Столбахъ“ прекратились и только въ концѣ истиннаго ноября чтенія опять были возобновлены, не надолго...

За это короткое время было прочтано „Ревизоръ“ Гоголя, четыре пьесы Островскаго, нѣсколько разсказовъ Чехова, Короленко, Достоевскаго и 5—6 стих. Никитина, Некрасова и Надсона.

Кромѣ воскресныхъ литературно-музыкальных утръ, здѣсь были организованы и будничныя чтенія, которыхъ было всего одиннадцать. Олушателямъ было прочтано нѣсколько очерковъ по первобытной культурѣ, геологіи и астрономіи. Между прочимъ были сообщены свѣдѣнія о кометѣ Галлея; было прочтано нѣсколько разсказовъ Чехова, Горькаго, Л. Толстого, стихъ Пушкина и Лермонтова.

Будничныя чтенія протекали при нѣсколько необычной обстановкѣ. Слушатели сидѣли за чайными столами, закусывая собираясь на ночлегъ. Въ это время съ эстрады лекторъ говорилъ или читалъ. Особенно памятно послѣднее чтеніе. Читался разсказъ Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Съ первыхъ-же словъ чудная тишина. Недопитые стаканы и блюдечки

съ чаемъ были забыты. Вся аудиторія прерратилась въ напряженный слухъ и вниманіе.

... „И шепчетъ ему на ухо голосъ:
— Мартынь! А! Мартынь. Или ты не узналъ меня?

— Кого? проговорилъ Авдѣичъ,
— Меня, сказалъ голосъ. Вѣдь это я. И выступилъ изъ темнаго угла Стецанычъ, улыбулся, и, какъ облачко разошелся и не стало его...“

... И лица слушателей казались такими хорошими, свѣтлыми; у болѣе чувствительныхъ на глазахъ замѣтны были слезы...

Н. Капраловъ.